

* * *

УДК 93/94:376.744

DOI 10.17816/snv202210

Статья поступила в редакцию 20.03.2020

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ ПО СОЗДАНИЮ СОВЕТСКИХ ЦЕНТРОВ ШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ НА ЕНИСЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В 1923–1930 ГОДАХ

© 2020

Чурсина Антонина Сергеевна, старший преподаватель

кафедры гражданского права и процесса, аспирант кафедры истории и политологии

Красноярский государственный аграрный университет (г. Красноярск, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассмотрена политика советской власти по созданию в Туруханском крае очагов школьного образования и культуры, таких как культурный центр в п. Янов Стан и Туринская культурная база. Показано, что, несмотря на ошибки и проблемы во взаимоотношениях с коренными народами, данные центры можно рассматривать как исторический опыт создания наиболее приемлемой формы организации школьного образования и распространения среди коренного населения Севера идеологических ценностей и культурной политики советской власти. Органы советской власти осуществляли политику, нацеленную не только на обучение подрастающего поколения, но и на воспитание детей, как носителей русского языка и культуры, помощников власти в преобразовании традиционного образа жизни коренных народов Севера, вовлечение их в построение социализма. Налогооблагаемая база северных районов была незначительной, поэтому средства на школьное строительство Народный комиссариат просвещения РСФСР, отвечавший за организацию школьного дела на территории всей республики, выделял по остаточному принципу. Развитие школьного дела, как и реализация социальных программ развития, сдерживались из-за нехватки у органов исполнительной власти северных территорий необходимых финансовых средств, тем не менее центры предоставили возможность накопить определенный опыт работы, начать формирование учительских кадров, способных работать с детьми коренных народов.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера; Туруханский край; Енисейский Север; модернизация; школьное обучение; школа-интернат; Янов Стан; Туринская культурная база; культбаза; Тунгусская культурная база; Дом туземца; Комитет содействия развитию народов северных окраин; северный инспектор; родовые советы; государственная национальная политика; Российская империя.

В досоветский период Российское государство долгое время было заинтересовано в коренных жителях Севера только как в поставщиках ценной пушнины. Но после того как к середине XIX в. популяции пушных зверей значительно сократились, царскому правительству пришлось думать о том, как спасти коренных северян, утративших способность обеспечивать себя за счет традиционных видов хозяйственной деятельности. Кроме того, проблема усугублялась распространением инфекционных заболеваний, занесенных на север еще русскими казаками в период покорения восточных территорий. В досоветский период в Туруханском крае Енисейской губернии прививки от оспы проводили экспедиционным методом, но царскому правительству не удалось создать реально работающую систему медицинской помощи северянам.

Со временем губернские власти стали осознавать необходимость обучения хотя бы небольшого количества детей из коренных народов Туруханского края. С одной стороны, на них смотрели как на возможных посредников между сородичами и органами власти, на защитников сородичей от обмана со стороны скупщиков пушнины, на помощников русских чиновников и священников, которые не знали языков коренных северян и не могли эффективно исполнять свои обязанности. С другой стороны, царское правительство понимало необходимость вовлечения этих народов, изолированных северной природой и незнанием русского языка, в сообщество подданных

многонациональной Российской империи, объединенной православной верой и русским языком как государственным языком межнационального общения. Так, енисейский губернатор Л.К. Теляковский в конце XIX в. предлагал готовить учительские кадры из мальчиков выпускников Туруханской церковно-приходской школы из числа инородческого населения [1, с. 337, 338].

Период с 1822 г. по 1917 г. оценивается некоторыми историками как процесс активного вовлечения коренных народов Енисейского Севера в неравноправные торгово-экономические отношения с русскими предпринимателями и постепенного превращения в православных подданных российского государства [2, с. 642].

В императорский период органы власти столкнулись с тем, что для обучения детей коренных северян грамоте нужно было создавать школы-интернаты, что требовало больших финансовых вложений. Поэтому реальных шагов к развертыванию школьного образования на Севере не было сделано.

Учет численности населения Туруханского края, проведенный после гражданской войны, показал, что русское оседлое население составляло 5,4 тыс. чел., инородческое туземное население – 11–12 тыс. чел. Здесь проживали енисейские остяки трех родов – 1281 чел., тунгусы двенадцати родов – 2913 чел., якуты трех родов – 2858 чел., долгане двух родов – 984 чел., самоеды четырех родов – 899 чел., остяки-самоеды трех родов – 1084 чел., юраки двух родов –

560 чел. Большая часть коренного населения Туруханского края совершенно не знала русского языка. В зависимости от исторически сложившейся хозяйственной специализации, представители разных родов занимались охотой, рыболовством, оленеводством. [3, л. 28; 4, л. 31, 42].

На первых порах советское государство, провозгласившее равенство всех наций и народностей, населявших РСФСР, пыталось восстановить получение от коренных северян необходимой для него пушнины и начать создание на северных территориях органов советской власти. Но работа на Енисейском Севере осложнялась отсутствием транспортных коммуникаций. Если в императорский период все роды приписывались к конкретным хлебозапасным магазинам, к которым обязаны были выходить для уплаты ясака и погашения задолженности за полученную в долг муку, то после их закрытия представителям органов Советской власти пришлось выстраивать новую систему общения с ними.

Британский исследователь Дж. Форзит отмечает, что политика советской власти в районах проживания коренных народов Севера в первые годы деятельности (1920–1923 гг.) имела вполне филантропический характер. Но коренные народы Сибири, как и в императорский период, испытывали страх, недоверие и неприязнь к русским [5, р. 242].

В июле 1922 г. председатель Туруханского краевого исполнительного комитета (далее – Туруханский Крайисполком) Ф.Я. Бабкин писал, что деятельность органов советской власти и связь с родовыми советами были возможны только зимой, когда инородцы выходили из тундры для товарообмена [6, л. 144]. Во время летних перекочевок они «исчезали» из поля зрения государства [7, л. 148].

В целях введения контроля за северными территориями и установления отношений с коренным населением Туруханского края, Губернская административно-территориальная комиссия разделила его на Тазовский, Затундринский, Илимбийский и Южный инспекторские районы, руководство которыми осуществлялось северными инспекторами. В этой связи необходимо отметить, что на должности северных инспекторов Енисейским губернским исполнительным комитетом назначались специалисты, изучившие государственное право и управление РСФСР, подготовленные в области био- и антропогеографии Севера, его этнографии, знавшие материальную и духовную культуру населения полярных регионов. Они должны были следить за исполнением распоряжений власти, инициировать законодательные предложения по охране жизни северных туземцев, их здоровья и промыслового труда, по поднятию культурного уровня, участвовать в создании родовых советов. Свои отчеты инспекторы обязаны были одновременно направлять в губисполком, Народный комиссариат по делам национальностей и в Народный комиссариат внутренних дел [3, л. 57–61].

Таким образом, можно говорить о поиске государством организационных форм продвижения советской власти в северные регионы с кочевым населением и выработке на основе полученных результатов единых подходов к проведению государственной национальной политики на местах.

Основным же недостатком являлось отсутствие у северных инспекторов объективной возможности

контролировать политические, экономические, социальные процессы в Туруханском крае по причине штатной малочисленности и обширности подконтрольных территорий. Тем не менее работа северных инспекторов способствовала налаживанию отношений коренного населения Енисейского Севера с органами государственной власти и созданию родовых советов.

Как и в досоветский период, органы советской власти понимали необходимость обучения детей аборигенов, на которых смотрели как на будущих помощников, проводников ее влияния на сородичей, кадровый потенциал для коренизации аппарата управления.

Но по состоянию на начало 1923 г. образовательная работа в Туруханском крае еще не производилась. В крае практически не было учителей, помещений для школ с интернатами, необходимых финансовых средств. Шаманы отговаривали родителей от обучения детей в школах, да и сами родители противились отправке детей в русские села, не видя в этом никакой нужды. Попытка обучения детей разъездным способом в период перекочевок была неэффективной.

Как отмечал председатель Енисейского губернского исполнительного комитета П.И. Шиханов, Туруханский край испытывал острую нужду в рабочих. При тех окладах учителей, которые могла установить исполнительная власть губернии, не находилось желающих ехать работать в Туруханский край [8, с. 3]. Единственный выход заключался в создании кадров из инородческой интеллигенции, путем подготовки молодежи в школах и на курсах.

Согласно отчету Туруханского крайисполкома 15 октября 1923 г. удалось открыть школу первой ступени с 43 учениками в с. Монастырское с преобладанием русскоязычного населения. Сведениями о начале занятий в школах первой ступени в с. Дудинское и Верхне-Инбатское крайисполком не располагал [6, л. 234].

Ситуация с продвижением советской власти на Север, выработкой и реализацией ее экономической, социальной и культурной политики для коренных народов Севера стала меняться после организации в июне 1924 г. при Президиуме ВЦИК Комитета содействия народностям северных окраин (далее – Комитет Севера), под председательством П.Г. Сидовича. Красноярский окружной комитет был образован 17 марта 1925 г. В его состав вошли специалисты жизни коренных народов губернии И.М. Суслев (председатель), Д.Е. Лаппо и Ф.М. Родин [9, л. 83].

Основной задачей Комитета Севера, согласно Декрету ВЦИК, СНК РСФСР от 02.02.1925, являлось практическое осуществление ленинско-сталинской национальной политики среди самых отсталых народов Советского Союза, «содействие планомерному устройению в хозяйственно-экономическом, административно-судебном и культурно-санитарном отношении» [10].

Одним из первых пунктов культурной работы на Севере стало открытие школ-интернатов для коренных северян. Сегодня исследователи отмечают, что их создание обернулось последующим отчуждением детей от родителей, разрывом семейных устоев, традиционных для коренных малочисленных народов [11]. С данным утверждением следует согласиться.

Представители Комитета Севера видели необходимость в обучении детей аборигенов и считали, что со временем оно обеспечит переход отсталых народов Севера к социализму, минуя стадию капитализма.

Можно не принимать идеологические постулаты советского периода, но теория модернизации также подтверждает неизбежность их вовлечения в общий процесс развития вместе с другими народами страны. Речь, скорее всего, может идти о степени издержек и фатальности последствий этого процесса.

Примером сложных проблем становления школьного образования на Енисейском Севере является создание и работа открытой в 1924 г. Тазовской школы-интерната в п. Янов Стан. Поселок был расположен в верхнем течении р. Турухан в 480 км от г. Туруханска. В 1925 г. в поселке проживало четыре русских семьи, включая семью заведующего школой-интернатом Г.Н. Прокофьева, 6 туземных семей и 9 туземных учеников школы-интерната.

Для школы-интерната первоначально был использован ветхий деревянный дом площадью около 30 м². Затем в 1925 г. на средства, выделенные Туруханским райисполкомом, было построено новое здание, состоявшее из учебной аудитории, общежития и столовой. В 1927–1928 гг. по инициативе Комитета Севера было построено специальное школьное здание.

В 1926 г. в школе обучалось 14 чел., в 1927 г. – 22 чел., 1929 г. – 27 чел. [12, л. 35]. Это были остяки-самоеды, юраки и тунгусы, мужского и женского пола, в возрасте от 11 до 25 лет. Разновозрастный состав обуславливался нехваткой детей школьного возраста для комплектования школы.

Как писал Г.Н. Прокофьев, у туземцев в восприятии школы оставались стереотипы, сформированные на основе дореволюционных отношений русской администрации и туземного населения. Посещающие школу были глубоко убеждены, что своей учебой делают одолжение учителю, советской власти, потребительской кооперации и что взамен этого власть должна их содержать. Ученики угрожали, что перестанут учиться, требовали выдачи им новых валенок, брюк, полушубков. Такой коммерческий взгляд на школу необходимо было изжить, так как он ставил непреодолимые преграды для правильной постановки всего школьного дела [13, с. 145].

К основным задачам школы-интерната относилось обучение туземцев русскому языку, технической грамоте, поднятие общего уровня их развития в целях привлечения к общественной и культурной работе среди своих сородичей. Их учили умытьаться, пользоваться носовым платком, чистить зубы.

Первоначально уроки в школе вел Г.Н. Прокофьев, а затем Туруханский Отдел народного образования направил ему в помощь учителя Б.Ф. Гжешкевича. Поскольку в 1920-е гг. в северных школах отсутствовали единые методики обучения, каждый учитель самостоятельно определял способы нахождения конструктивного диалога с учениками и организации учебного процесса.

Особенностью школы в Яновом Стане являлось обучение в подготовительной группе не на русском, а на родном для детей языке по составленному Г.Н. Прокофьевым остяко-самоедскому букварю. Затем ученики начинали обучаться чтению на русском языке.

Работа в школе напоминала некое коллективное «предприятие» с самоуправленческим аппаратом. Был разработан регламент правил поведения в интернате, нарушение которого рассматривалось на общем еженедельном собрании, создан школьный совет – своего рода высшая инстанция на случай невыполнения постановления коллектива, кроме того была создана пионерская организация. При школе функционировали развивающие секции. Наиболее популярными среди учеников школы были занятия в радиокружке, шахматном, военной игры и громкого чтения. Меньшей популярностью пользовались кружок стенгазеты и занятия по физкультуре.

Как отмечал Г.Н. Прокофьев, со временем ученики школы переставали бояться русских, были готовы к диалогу и совместным действиям. Они становились проводниками полученных знаний и идеологических установок в среде своих взрослых сородичей.

Опыт организации работы первых школ показал, что они давали точечный эффект по месту проживания небольших групп национального населения. Советскому государству нужны были центры образовательного воздействия на большинство коренных северян, соответствующие идее советского образования как важного социального и идеологического института [14, с. 124].

На заседании второго расширенного Пленума Комитета Севера в мае 1925 г. было принято решение о необходимости создания в районах проживания коренных народов Севера культурных баз, которые выполняли бы функцию организации школьного дела, оказания населению медицинской и ветеринарной помощи. На них возлагали большие надежды как на центры культурного подъема населения. Причем авторы идеи прекрасно понимали, что нужно было постепенно и осторожно улучшать условия, в которых жили тунгусы (эвенки) и ни в коем случае не ломать уклад жизни и бытовые особенности. В противном случае эвенки или вымерли бы, или потеряли бы свою самобытность и перестали быть самими собой, приспособленными к экстремальным условиям северной тайги [15, с. 468].

Первая культбаза, которая первоначально называлась Тунгусской или тунгусским культурным городом, а затем Туринской, была заложена в 1927 г. в районе сезонных кочевий тунгусов (эвенков). Ее штат на момент открытия состоял из 15 человек, заведующим был назначен бывший председатель Туруханского райисполкома Ф.Я. Бабкин [16, с. 3].

В составе Туринской культбазы были открыты школа-интернат, медико-профилактический и ветеринарно-зоотехнический пункты. В первый год работы из-за отсутствия средств здание для школы-интерната построено не было, она располагалась в помещении ветеринарного пункта. Первыми учениками учителя С.И. Толмачева стали 2 девочки и 6 мальчиков обычного школьного возраста, в возрасте старше 10 лет. В 1932–1933 учебном году количество учащихся в стационарной школе Туринской культбазы выросло до 23 чел. [17, с. 35].

В первые годы своего существования Туринская культбаза не смогла стать центром притяжения коренного населения. Отрицательно сказывалось незнание ее сотрудниками языка эвенков, что затрудняло разъяснительную работу среди коренного населения. Развертывание массовой культурно-просвети-

тельной работы среди малых народностей требовало организации не только школ-интернатов, но и специальных заезжих домов (Дом туземца), в которых туземцы могли найти и отдых, и приобщиться к проводимым культурно-просветительным мероприятиям.

В 1929 г. был открыт Дом туземца в станке Янов Стан в Тазовском туземном районе. За зимний период 1929 г. удалось провести 7 бесед и 4 громкие читки, на которых присутствовало всего от 10 до 15 человек. Местные жители неохотно посещали предлагаемые им мероприятия, отражающие непонятную им жизнь народов с другой культурой [12, л. 33].

Созданные на российском севере культбазы до 1935 г. находились в ведении Комитета Севера, а после его ликвидации были делегированы Главному управлению Северного морского пути при Совнаркомом СССР с возложением на него образовательной и культурной функций в отношении коренных народов Севера.

Несмотря на то, что создание отдельных очагов образования и распространения новой культуры, таких как Янов Стан и Туринская культбаза, в указанный период не дали ожидаемого результата, их можно рассматривать как исторический опыт создания наиболее приемлемой формы организации школьного образования и распространения среди коренного населения Севера идеологических ценностей и культурной политики советской власти. Это был болезненный для коренного населения модернизационный процесс, сопровождающийся принудительной ломкой традиционного образа жизни, общественных отношений и культурных традиций. Его можно рассматривать как конкретно-историческую попытку решения проблемы развития северных народов на основе идеологических представлений советского периода [18, с. 112].

Создание на Енисейском Севере первых очагов школьного образования и культуры дало возможность накопить определенный опыт работы, начать формирование учительных кадров, способных работать с детьми коренных народов. Развитие школьного дела, как и реализация социальных программ развития, сдерживалась из-за нехватки у органов исполнительной власти северных территорий необходимого финансирования. Налогооблагаемая база северных районов была незначительной, поэтому средства на школьное строительство по остаточному принципу выделял Народный комиссариат просвещения РСФСР, который отвечал за организацию школьного дела на территории всей республики.

Тем не менее в период до создания в 1930 г. на Енисейском Севере самостоятельных Эвенкийского и Таймырского (Долгано-Ненецкого) национальных округов, расходы на народное образование постоянно увеличивались. Если в 1925–1926 гг. они составляли 12826 руб., то в 1929–1930 гг. возросли до 102678 руб. [19, л. 85].

Создание на территории Туруханского края в декабре 1930 г. Эвенкийского и Таймырского (Долгано-Ненецкого) национальных округов расширило полномочия вновь созданных органов местного самоуправления [20]. Государство поставило перед руководством округов задачу построения социализма на основе теории о возможности перехода к социализму отсталых народов, не прошедших стадию капитализма.

Список литературы:

1. Памятная книжка Енисейской губернии с адрес-календарем, составленная по 01 января 1896. Красноярск: Енисейская губернская типография, 1896. 418 с.
2. Gaidin S.T., Burmakina G.A. Proposals to protect the interests of the indigenous peoples of the Turukhansk district presented in 1822–1917 // Былые годы. Российский исторический журнал. 2019. Т. 2, № 52. С. 634–644.
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-49. Оп. 1. Д. 259.
4. ГАКК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 608.
5. Forsyth J. A history of the peoples of Siberia: Russia's North Asian colony 1581–1990. Cambridge: University Press, 1992. 476 p.
6. ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 119.
7. ГАКК. Ф. Р-1303. Оп. 1. Д. 116.
8. Кручина А. Енисейская губерния // Советская Сибирь. 1924. № 87. С. 1–4.
9. ГАКК. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 2.
10. Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 02.02.1925 «Об утверждении Положения о Комитете содействия народностям северных окраин при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=18983#09352357171557726>.
11. Гореликов А.И. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока в условиях советской модернизации 30-х гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2004. 25 с.
12. ГАКК. Ф. П-27. Оп. 1. Д. 84.
13. Прокофьев Г.Н. Три года в остяцкой школе // Советский Север. 1931. № 7/8. С. 143–160.
14. Бершадская С.В. «Красноярский рабочий» о проблемах развития народного образования в Красноярском округе в 1921–1926 гг. // Гришаевские чтения: мат-лы I национальной науч. конф., посв. памяти доктора исторических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы Василия Васильевича Гришаева. 11 сентября 2018 г., г. Красноярск, Российская Федерация. Красноярск: Красноярский ГАУ, 2018. С. 118–125.
15. Рахманин Г.Е. На Нижней Тунгуске // Вестник знания. 1928. № 10. С. 468–472.
16. Туринская культбаза накануне открытия // Советская Сибирь. 1927. № 174. С. 1–4.
17. Суслов И.М. 15 культбаз // Советский Север. 1934. № 1. С. 28–37.
18. Бурмакина Г.А., Гайдин С.Т. «Построение социализма» на территории Таймырского национального округа в 1930–1941 гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2019. № 6 (63). С. 103–113.
19. ГАКК. Ф. П-27. Оп. 1. Д. 85.
20. Постановление ВЦИК от 10.12.1930 «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» [Электронный ресурс] // <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=15681#0783685167362226>.

**THE HISTORICAL EXPERIENCE OF THE STATE POLITICAL PROGRAM
FOR THE CREATION OF SOVIET CENTERS FOR SCHOOL EDUCATION AND CULTURE
IN THE YENISEI NORTH IN 1923–1930**

© 2020

Chursina Antonina Sergeevna, senior lecturer
of Civil Law and Process Department, postgraduate student of History and Political Science Department
Krasnoyarsk State Agrarian University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

Abstract. The paper aims to analyze the experiments of Soviet State to organize and develop educational centers for indigenous peoples at the villages of Yanov Stan and Tura of Turukhansk Territory. The paper discusses that, despite errors and problems in relations with indigenous peoples, a cultural center at Yanov Stan and Tura cultural base can be considered as a Soviet experiment aimed to find an acceptable form of organization of formal schooling and spread of ideological values and cultural policies of the Soviet government among indigenous peoples of the North. Soviet government's policy on educating local children also included upbringing them as native speakers of the Russian language and culture, able to assist the authorities to transform the traditional way of life of the indigenous peoples of the North and involve them in socialism building. Additionally, the tax base of the northern regions was insignificant. The People's Commissariat of Education of the RSFSR, responsible for organizing formal schooling, allocated funds for school construction on the leftover principle. The lack of financing hindered the development of educational centers and implementation of social programs. Altogether, the paper argues that the centers provided an opportunity to accumulate certain experience and to train teachers who were able to work with indigenous children.

Keywords: indigenous peoples of the North; Turukhansk Territory; Yenisei North; modernization; schooling; boarding school; Yanov Stan; Turin cultural base; cultural base; Tunguska cultural base; Native house; Development Assistance Committee of the peoples of the northern suburbs; northern inspector; generic advice; state national policy; Russian empire.